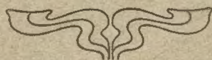
Лейбъ-Егеря

под командою

Николая Павловича

(1818—1825 гг)

Составлено офицерами
Л.-Гв. Егерскаго полка

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Экономическая Типо-Литографія, Вас. Остр., 14 л., д. 5
1907

Лейбъ-Егеря

под командою

Николая Павловича

(1818—1825 гг)

Составлено офицерами

Л.-Гв. Егерскаго полка

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Экономическая Типо-Литографія, Вас. Остр., 14 л. д. № 5
1907

14-го декабря 1825 г. на престолъ Россіи взошелъ Великій Князь Николай Павловичъ, до того времени около семи лѣтъ исполнявшій должность гвардейскаго бригаднаго командира и лишь нѣсколько мѣсяцевъ командовавшій гвардейскою пѣхотною дивизіею. Обыкновенно, дѣятельность Николая Павловича въ эти года стушевывается не только общей исторической литературой, но даже спеціально-военной, яко бы не колоритной, носящей мирный, „гарнизонный" характеръ. Между тѣмъ, хотя бы эпизодическое разсмотрѣніе дѣятельности Николая Павловича за время съ 1818 г. по 1825 годъ имѣетъ большее значеніе. Съ обще-исторической точки зрѣнія, подобное разсмотрѣніе можетъ дать цѣнный матеріалъ для отвѣта на вопросы о томъ, было ли чѣмъ либо неожиданнымъ та сила характера и то самообладаніе Великаго Князя, которыя ярко проявились въ немъ во время бунта на Дворцовой площади и способствовали, помимо, быть можетъ, счастливыхъ случайностей, повернуть колесо судьбы въ желаемомъ направленіи, и проявлялись ли у Николая Павловича въ осязательной, конкретной формѣ, въ послѣдніе годы царствованія Императора Александра I, тѣ черты душевнаго облика, которыя всякому извѣстны подъ именемъ Николаевскихъ. Съ военно-исторической точки зрѣнія, дѣятельность Николая Павловича въ роли бригаднаго командира и начальника дивизіи заслуживаетъ вниманія потому, что

въ эти годы, непосредственно предшествующіе его царствованію, онъ несъ фактическую строевую службу, и хотя эта служба протекла безъ грома побѣдъ, однако она, какъ военная служба всегда и вездѣ, была подготовкою къ войнѣ.

Въ настоящей брошюрѣ изложены общіе черты службы Лейбъ-Егерей подъ командою Николая Павловича, причемъ иногда, для болѣе полной обрисовки личности Великаго Князя, какъ командира, приведены, въ видѣ необходимаго исключенія, нѣкоторые эпизоды, касающіеся также л.-гв. Измайловскаго полка, состоявшаго, какъ и нынѣ, въ одной бригадѣ съ Лейбъ-Егерями.

При составленіи настоящаго очерка, офицеры Л.-Гв. Егерскаго полка широко пользовались архивными матеріалами по указанію извѣстнаго архивовѣда и военнаго исторіографа *М. К. Соколовскаго*, которому и приносятъ свою глубокую благодарность.

„По Высочайшему повелѣнію предписываю, чтобы офицеры въ пѣхотѣ непремѣнно маршировали солдатскимъ шагомъ, т. е. какъ хорошо выученный солдатъ марширует".

Изъ приказа по 1-й арміи, 6 октября 1824 г., № 124.

—

„Свободная стойка солдата, ровное держаніе ружья, свободный и одинаковый шагъ есть главнѣйшая необходимость для фронтовой службы".

Изъ приказа по л.-гв. Егерскому полку отъ 12 октября 1825 г.

Высочайшимъ приказомъ 27 іюля 1818 г. * Великій князь Николай Павловичъ былъ назначенъ командиромъ 2-й бригады 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи. Эту бригаду въ то время, какъ и нынѣ составляли полки—л.-гв. Измайловскій и Егерскій. Съ указаннаго дня вплоть до марта мѣсяца 1825 г., т. е. въ теченіе почти семи лѣтъ, Николай Павловичъ несъ рядовую, сравнительно невидную, службу бригаднаго командира, лишь изрѣдка временно командуя дивизіею.

Это скромное служебное положеніе, безъ повышенія въ теченіе сравнительно долгаго времени, неоднократно подчеркивалось самимъ Николаемъ Павловичемъ въ послѣдующіе годы. Такъ, въ 1832 г., во время одного путешествія, Государь обѣдалъ втроемъ съ А. Х. Бенкендорфомъ и А. Ѳ. Львовымъ. Завязался разго-

---

* Эта дата невѣрно означена въ исторіи л.-гв. Измайловскаго полка, составленной Зноско-Боровскимъ.

воръ о лѣтахъ послѣдняго, причемъ Бенкендорфъ замѣтилъ, что въ эти годы онъ былъ уже генераломъ. „Вы въ сорочкѣ родились,—проговорилъ Государь,—я самъ былъ восемь лѣтъ дивизіоннымъ“. Разсказъ передаетъ Е. Н. Львова *, и въ немъ встрѣчается нерѣдкая въ мемуаристикѣ фактическая неточность: Николай Павловичъ командовалъ дивизіею только нѣсколько мѣсяцевъ, а бригадою командовалъ почти семь лѣтъ, и слова его, очевидно, нужно понимать, какъ намекъ на его продолжительное командованіе бригадою.

Во время вступленія Николая Павловича въ строевую должность бригаднаго командира гвардейскимъ корпусомъ командовалъ И. В. Васильчиковъ, впослѣдствіи князь и предсѣдатель государственнаго совѣта. О немъ Великій Князь сохранилъ очень хорошія воспоминанія и въ 1839 г. выразился про него: „теперь двадцать два, что мы съ нимъ знакомы, и я привыкъ любить и уважать его сперва какъ начальника, а теперь, какъ совѣтника и друга **“. Точно также сердечно отзывался Николай Павловичъ и о своихъ ближайшихъ помощникахъ. Про Мартынова, командовавшаго полкомъ въ бригадѣ Великаго Князя, послѣдній сказалъ: „мы были съ нимъ знакомы тридцать лѣтъ, и я у него бралъ первые уроки военной службы“ ***. Вообще нотка искренности часто звучала въ отзывахъ Николая Павловича о лицахъ, съ которыми ему пришлось столкнуться на первыхъ шагахъ своей строевой службы. Такъ, во время смотра при Вертю, 29 августа 1815 г., Николай Павловичъ

* Рус. Стар., 1880, мартъ, 645.
** Ib., 1889, іюль, 16.
*** Ib., 1899, іюль, 530.

командовалъ бригадою 3-й гренадерской дивизіи, а гренадерскимъ корпусомъ командовалъ А. П. Ермоловъ; вспоминая этотъ эпизодъ, Николай Павловичъ 1 августа 1826 г., при началѣ столкновенія съ Персіею, писалъ Ермолову: „былъ бы Николай Павловичъ прежній человѣкъ, можетъ быть, я явился къ вамъ, у кого въ командѣ въ первый разъ извлекъ изъ ноженъ шпагу; теперь остается мнѣ ждать и радоваться извѣстіямъ и вашимъ подвигамъ и награждать тѣхъ, которые привыкли подъ начальствомъ вашимъ пожинать лавры" *.

Николай Павловичъ, назначенный вначалѣ шефомъ л.-гв. коннаго полка, 28 мая 1800 г., въ силу Высочайшаго приказа, обмѣнялся шефствомъ съ Цесаревичемъ Константиномъ и съ этого дня сталъ шефомъ л.-гв. Измайловскаго полка. Очевидно, что, будучи назначенъ бригаднымь командиромъ, Николай Павловичъ получилъ ту именно бригаду, въ составъ которой входилъ его шефскій полкъ, а слѣдовательно и л. гв. Егерскій полкъ, какъ состоявшій въ одной бригадѣ съ измайловцами. При назначеніи же Николая Павловича начальникомъ дивизіи, гвардейская пѣхота была реорганизована опять таки такимъ образомъ, что лейбъ-егеря остались подъ командою Николая Павловича: полки гвардейской пѣхоты были раздѣлены на старшіе (Преображенскій, Семеновскій, Измайловскій и Егерскій) и младшіе (Московскій, Гренадерскій, Павловскій и Финляндскій) и сведены въ четыре бригады, изъ которыхъ каждая была составлена изъ одного старшаго полка и одного младшаго; л.-гв. егерскій полкъ вошелъ въ составъ четвертой бригады

* Зап. А. П. Ермолова, 1868 г., ч. 2, стр. 214.

вмѣстѣ съ л.-гв. финляндскимъ полкомъ; двѣ же бригады, третья (полки л.-гв. Измайловскій и Павловскій) и четвертая, образовали вторую дивизію, поступившую подъ начальство Николая Павловича. Такимъ образомъ, лейбъ-егеря вмѣстѣ съ измайловцами состояли подъ командою Николая Павловича во все время его строевой службы, съ 1818 по 1825 г.

Что вопросъ о командованіи Николаемъ Павловичемъ именно второю бригадою, т. е. лейбъ-егерями и измайловцами, былъ, такъ сказать предрѣшенъ еще до дѣйствительнаго назначенія его этимъ командиромъ, доказывается, между прочимъ, письмомъ Николая Павловича, хотя и не датированнымъ, но во всякомъ случаѣ относящимся до 1818 г. „Имѣю честь вамъ донести,—писалъ Николай Павловичъ Коновницыну,—что Государю Императору угодно было меня назначить для завтрашняго парада бригаднымъ командиромъ л.-гв. Измайловскаго и Егерскаго полковъ; я весьма счастливъ этимъ, принимая сіе знакомъ государевой ко мнѣ милости“ *.

За два года до состоявшагося назначенія Николая Павловича бригаднымъ командиромъ, П. П. Коновницынъ писалъ Великимъ Князьямъ Николаю и Михаилу Павловичамъ длинное, наставительное письмо, гдѣ, между прочимъ, выражался: „если придетъ время командовать вамъ частями войскъ, сколь бы велики онѣ или малы не были, да будетъ первѣйшее ваше стараніе о содержаніи ихъ вообще и о призрѣніи больныхъ и страждущихъ; старайтесь улучшить положеніе каждаго; не требуйте отъ людей невозможнаго; доставьте имъ прежде нужный и необходимый покой, а потомъ уже требуйте точнаго и строгаго исполненія истинной службы. Крики и угрозы только что раздражаютъ, а

* Рус. Стар., 1870, I, 436—437.

пользы вамъ не принесутъ. По службѣ надобно неминуемо людьми запасаться; опредѣленіемъ людей въ мѣста низшія есть средство попытать, способны ли они къ мѣстамъ высшимъ. Слѣдите за ними въ дѣлахъ, имъ поручаемыхъ. Не теряйте ихъ никогда изъ вида. Знайте, что они дѣлаютъ; приказывайте имъ отдать вамъ отчетъ въ ихъ порученіяхъ. Вы увидите свойство ихъ по тому обороту, какой они примутъ и дадутъ каждому дѣлу". Такимъ образомъ, Коновницынъ, зная нѣсколько пылкій и горячій темпераментъ Августѣйшихъ братьевъ, именно по тому, быть можетъ, совѣтовалъ имъ ласковое, теплое, сердечное отношеніе къ подчиненнымъ.

На другой день послѣ Высочайшаго приказа, 28 іюля 1818 г., Николай Павловичъ отдалъ свой первый приказъ по бригадѣ *: „По Высочайшему Его Императорскаго Величества приказу, послѣдовавшему въ 27 день сего мѣсяца, назначенъ я бригаднымъ командиромъ полковъ оной бригады, Измайловскаго и Егерскаго, о чемъ къ свѣдѣнію объявляю симъ полкамъ и предписываю обо всемъ, въ чемъ слѣдовать будетъ, относиться ко мнѣ".

Первымъ бригаднымъ адъютантомъ у Николая Павловича былъ лейбъ-егерь. Въ приказѣ отъ 7 августа 1818 г. было по этому поводу объявлено: „по несостоянію во ввѣренной мнѣ бригадѣ настоящаго бри-

* Въ приводимомъ очеркѣ часто дѣлаются ссылки на приказы по бригадѣ и дивизіи. Отдѣльнаго сборника этихъ приказовъ, т. е. приказной тетради, повидимому не сохранилось ни въ одномъ архивѣ. Но приказы по бригадѣ выписывались въ полковые приказы, откуда они нынѣ и заимствованы. Не взирая на высокую исторіографическую цѣнность этихъ приказовъ, они никогда не были изданы и потому въ данномъ очеркѣ являются архивными первоисточниками.

гаднаго адъютанта, я предписываю исправлять таковую должность впредь до Высочайшаго утвержденія л.-гв. Егерскаго полка полковому адъютанту поручику Вилямовскому".

Началась строевая фактическая служба Николая Павловича, которому шелъ всего двадцать третій годъ, строевая служба съ ея разводами, караулами, инспекторскими смотрами. Приказы по бригадѣ, а затѣмъ, въ 1825 г., и по дивизіи, составляя драгоцѣнную лѣтопись строевой службы молодого Великаго Князя, пестрятъ то изъявленіемъ признательности Николая Павловича за найденный порядокъ, то его строгими замѣчаніями по поводу неисправностей. Всѣ бригадные приказы Николай Павловичъ подписывалъ званіемъ „бригаднаго командира, генералъ-инспектора", т. е. инспектора по инженерной части, безъ означенія своего чина.

На пятый день командованія бригадою, 31 іюля, Николай Павловичъ впервые подѣлился съ ввѣренными ему полками своимъ удовольствіемъ по поводу полученія словесной Высочайшей благодарности. „Государю Императору угодно было,—писалъ Николай Павловичъ въ приказѣ,—изъявить мнѣ вчера благодарность изустно на ученіи. Удостоясь въ первый разъ сей Государевой милости долгомъ почитаю благодарить г.г. генералъ-маіора Бистрома I * и полковника Мартынова I **, равно всѣхъ штабъ и оберъ-офицеровъ, коимъ обязанъ я симъ счастьемъ, надѣясь, что усердіе ихъ поддержитъ бригаду сію въ отличномъ ея нынѣшнемъ видѣ, доставитъ мнѣ и впредь случай слышать пріятный объ оной отзывъ Государя Императора".

Первое неудовольствіе Николая Павловича было выражено въ приказѣ 6 августа. Къ сожалѣнію, былъ

* Въ то время командиръ л.-гв. Егерскаго полка.

** Въ то время командиръ л.-гв. Измайловскаго полка.

усмотрѣнъ не вполнѣ исправнымъ прапорщикъ л.-гв. Егерскаго полка. „Государь Императоръ,—читаемъ въ приказѣ,—вчерашняго числа объявить мнѣ изволилъ, что нижніе чины командуемой мною бригады останавливаются предъ Его Величествомъ во фронтъ, не соблюдая требуемой стойки, какъ-то отдѣляютъ локти, ладони не выворачиваютъ, а кладутъ руки на ляшку и тѣмъ теряютъ должный видъ солдата. Вслѣдствіе чего предписываю гг. полковымъ командирамъ приказать ротнымъ командирамъ строго смотрѣть за соблюденіемъ всего того, что въ такихъ случаяхъ отъ солдата требуется. При семъ предписываю еще, чтобы въ полкахъ бригады моей офицеры, наряжаемые къ отводу на разводъ парольныхъ унтеръ-офицеровъ, наблюдали должный порядокъ, шедши на разводъ и обратно, не такъ, какъ встрѣченъ мною нынче л.-гв. Егерскаго полка прапорщикъ Ланевскій-Волкъ 3-й".

Время, въ которое протекала строевая служба Николая Павловича, было временемъ парадовъ и разводовъ, наполнявшихъ собою чуть ли не всю программу воинскихъ занятій. Графъ Милорадовичъ, командиръ гвардейскаго корпуса, 9 апрѣля 1816 г. издалъ приказъ о томъ, что л.-гв. Семеновскій полкъ оказался на Высочайшемъ парадѣ неисправнымъ и что за это упущеніе было Высочайше повелѣно сдѣлать выговоръ командиру полка генералъ-адъютанту Потемкину и арестовать на сутки баталіонныхъ командировъ, полковниковъ Паткуля, Гурко и Фредерикса. Слѣдовательно, парадъ считался столь важнымъ строевымъ „испытаніемъ", что за не вполнѣ успѣшное выполненіе различныхъ строевыхъ тонкостей могъ подвергнуться Высочайшему выговору Государевъ генералъ-адъютантъ, а штабъ-офицеры бывали арестованы. Самъ Императоръ Александръ I вообще арестовывалъ за неисправный парадъ иногда даже полковыхъ командировъ.

28 іюля 1815 г. А. А. Закревскій, дежурный генералъ главнаго штаба Его Императорскаго Величества, занесъ въ свой дневникъ: „вступили въ Парижъ 2-я кирасирская и 3-я гренадерская дивизіи съ 4-мя артиллерійскими ротами. Государь арестовалъ командировъ полковъ Сибирскаго — полковника Потулова, 26 егерскаго—подполковника Медвѣдева и 29-го—подполковника Татарова и посадилъ на Аглицкую гауптвахту, за то, что полки дурно прошли". Дѣло происходило въ Парижѣ, гдѣ помимо русскихъ войскъ стояли также войска союзныя, такъ что приведеніе Высочайшаго повелѣнія въ исполненіе должно было сильно повлiять на самолюбіе русской арміи. И дѣйствительно, А. П. Ермоловъ, по свидѣтельству Н. Н. Муравьева *, заступился было за командировъ, прося ихъ не арестовывать на гауптвахтѣ, занятой карауломъ иностранныхъ войскъ, но лишь вызвалъ неудовольствіе Государя. Скорѣйшимъ приведеніемъ въ исполненіе Высочайшаго повелѣнія объ арестованіи полковыхъ командировъ былъ крайне озабоченъ начальникъ главнаго штаба Его Императорскаго Величества князь П. М. Волконскій, который въ тотъ же день, 28 іюля, въ 9 часовъ вечера, писалъ Закревскому **: „Арсеній Андреевичъ, увѣдомьте, пожалуйста, отчего по сіе время не присланы полковые командиры на гауптвахту; кончится, я думаю, уже тѣмъ, что меня самого пошлютъ, ибо безпрестанно спрашиваетъ о нихъ, и прикажите послать къ генералу Ермолову, чтобы онъ завтра поутру пріѣхалъ во дворецъ самъ для объясненія, почему не исполнено по сіе время Его повелѣніе". Къ подобному же случаю относится запись флигель-адъютанта прусскаго короля Малаховскаго въ его дневникѣ *** о парадѣ

* Рус. Арх., 1886, 3, 299.

** Сборн. Имп. Рус. Ист. Общ., т. 73, 1 стр.

*** Рус. Стар., 1899, авг., 341.

русскихъ войскъ предъ прусскимъ королемъ въ Парижѣ: „Императоръ Александръ во время парада былъ крайне возбужденъ, и его возбужденіе усилилось, когда въ полку короля нѣкоторыя части прошли не въ ногу; сильнѣйшіе удары по ляшкѣ не могли ни въ чемъ помочь, и впечатлѣніе отъ парзда было испорчено". Послѣ парада начальникъ дивизіи баронъ Розенъ объявилъ весь корпусъ состоящимъ подъ арестомъ; при появленіи же Императора онъ обратился къ офицерамъ съ рѣчью, начинающеюся словами: „вас, дураки!"...

Неудовольствіе Государя разводами нерѣдко объявлялось циркулярными предписаніями начальника Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества. Напримѣръ, за нѣсколько дней до назначенія Николая Павловича бригаднымъ командиромъ, въ штабъ гвардейскаго корпуса было прислано, для руководства, 75 экземпляровъ предписанія князя Волконскаго: „Его Императорское Величество дѣлаетъ выговоръ л.-гв. Преображенскаго полка полковнику Карцову за неисправность развода ввѣреннаго ему баталіона". Нерѣдко приказы съ самыми подробными свѣдѣніями о каждомъ полкѣ въ отдѣльности писались собственноручно Государемъ. Приказъ о результатахъ смотра гвардіи 16 мая 1819 г., напечатанный въ приложеніи къ извѣстному труду Заблоцкаго - Десятовскаго, писанъ собственноручно Государемъ и, какъ выяснено въ настоящее время, хранится въ Лефортовскомъ архивѣ въ Москвѣ. Про л.-гв. Егерскій полкъ въ этомъ приказѣ изложено: „Егерскій полкъ прошелъ изрядно со взводными дистанціями, тишина въ шеренгахъ была не надлежащимъ образомъ соблюдена; сомкнутыми колоннами сей полкъ прошелъ хорошо, но нѣкоторые офицеры махали руками".

Изложенные эпизоды, выбранные наудачу, приведены для характеристики склада той военной жизни,

среди которой пришлось Николаю Павловичу принять въ свое командованіе гвардейскую бригаду и въ своихъ требованіяхъ къ ней придавать большое значеніе фронтовымъ тонкостямъ.

Въ приказѣ Его Императорскаго Высочества за № 18 1819 г. было изложено: „съ удовольствіемъ могу увѣдомить полки 2 гвардейской бригады, что стараніе и неутомимость ихъ въ продолженіе сего времени не остались тщетными и что Его Императорское Величество совершенно доволенъ отличнымъ видомъ, въ коемъ сего числа оные полки, а равно и л. гв. саперный баталіонъ показались. Его Величество въ особенности доволенъ, что г.г. офицеры шли вѣрнымъ шагомъ, сохранили и приличный видъ офицера во фронтѣ. Г. поручикъ Миклашевскій 1-й обратилъ на себя особенное вниманіе Государя отличною своею ловкостью въ ходьбѣ колоннами. При семъ случаѣ не могу однако не сдѣлать строгаго замѣчанія г. подпоручику Капнисту 2-у, который, идя въ колоннѣ своего взвода, махалъ руками, не ровнялся и отъ того былъ причиною, что колонна 1-го баталіона не чисто выходила на линію; достаточно, чтобъ было одного моего напоминанія, чтобъ идти порядочно, но, не смотря на то, что я нѣсколько разъ подтверждалъ ему идти какъ слѣдуетъ, г. Капнистъ 2-й продолжалъ идти дурно, покуда колонна не была остановлена. Ежели бъ я не зналъ г. Капниста 2 за отлично-старательнаго офицера, то неминуемо бы взыскалъ за сіе по всей строгости; надѣюсь, что самъ и Капнистъ 2-й почувствуетъ неприличность своего поступка и не принудитъ меня въ другой разъ къ подобнымъ замѣчаніямъ. Прошу г.г. полковыхъ и баталіонныхъ командировъ, а равно всѣхъ г.г. офицеровъ, быть увѣренными, что я всякій день болѣе и болѣе цѣню честь ими командовать“. Слѣдовательно, если приказъ въ общемъ несъ

благоволеніе Николая Павловича чинамъ его бригады, то онъ во всякомъ случаѣ типиченъ тѣмъ, что фамилія офицера, обратившаго на себя фронтовою ловкостью Высочайшее вниманіе, была объявлена въ приказѣ по всей бригадѣ, и что офицеръ, который „махалъ руками“ и „не ровнялся“, только благодаря счастливой случайности, избѣгъ „взысканія по всей строгости“. 11 декабря 1822 г. Николай Павловичъ объявилъ въ приказѣ по бригадѣ результатъ осмотра роты Цесаревича л. гв. Егерскаго полка; карабинерный взводъ найденъ „по возможности хорошимъ,“ а стрѣлковый взводъ, какъ гласилъ приказъ, „весьма поправляется, ружьемъ вся рота дѣлала весьма хорошо, остается только на походѣ больше равенства въ держаніи ружей“. Въ приказѣ отъ 18 декабря того же года Николай Павловичъ писалъ, что въ 4-й егерской ротѣ л.-гв. Егерскаго полка „стойка довольно ровна, но держаніе ружей не совершенно еще уравнено“; маршировкой Великій Князь остался не доволенъ: „нѣтъ ни достаточной правильности, ни той ловкости, которая требуется и до которой непремѣнно довести должно.“ Въ приказѣ по бригадѣ отъ 25 января 1824 г. читаемъ: „замѣчено мной, что съ нѣкоторыхъ поръ стойка у нижнихъ чиновъ измѣняется, въ особенности въ л.-гв. Егерскомъ полку; тѣло не надлежаще подано впередъ, и многіе люди, стоя на каблукахъ, переваливаются отъ того на походѣ тѣломъ назадъ; отъ того происходитъ и качка, и дурное держаніе ружей; въ отвращеніе сего предписываю г.г. командующимъ полками строго смотрѣть, чтобъ при одиночномъ ученіи обращаемо было особенное и бдительное вниманіе на сей предметъ, за что какъ баталіонные командиры, такъ и сами они, мнѣ строго отвѣчать будутъ.“

Свою требовательность къ точному исполненію строевыхъ тонкостей Николай Павловичъ сохра-

нилъ и въ Императорскомъ санѣ. По свидѣтельству кн. Н. С. Голицына, на одномъ смотру л.-гв. Уланскаго полка, въ Стрѣльнѣ, въ первые годы царствованія Николая Павловича, Государь скомандовалъ построеніе изъ полковой эскадронной колонны развернутаго строя; дувшій въ это время вѣтеръ помѣшалъ всѣмъ эскадроннымъ командирамъ вполнѣ ясно услышать команду, и одна часть полка развернулась направо, а другая налѣво; Государь разгнѣвался и скомандовалъ: „съ плацу долой, на конюшни—маршъ! * Николай Павловичъ въ совершенствѣ зналъ также прусскій уставъ разводовъ, такъ что по словамъ А. X. Бенкендорфа, въ 1829 г., въ маленькомъ замкѣ Subillienort училъ цѣлый прусскій кирасирскій полкъ своего имени, командуя на нѣмецкомъ языкѣ, по прусскому военному уставу, „ни единожды не ошибаясь какъ будто бы всю жизнь только этимъ и занимался“ **.

Николай Павловичъ, подчиняясь духу времени, ставилъ въ системѣ военнаго воспитанія весьма высоко разводъ и парадъ, но онъ признавалъ различіе между службою плацпарадною и службою боевою, различалъ генераловъ боевыхъ отъ генераловъ плацпарадныхъ. Такъ, справляясь у генералъ-адъютанта Н. Н. Муравьева о генералѣ Лукашѣ, Государь, на утвержденіе Муравьева, что Лукашъ фронтовой и боевой генералъ, украшенный Георгіемъ, возразилъ: „онъ, можетъ быть, хорошій военный человѣкъ, а не для мирнаго времени; я ихъ различаю и хотя предпочитаю военнаго генерала мирному, но нахожу, что качества сіи совершенно разны“ ***.

---

* Рус. Стар., 1881, мартъ, 523.
** Ib., 1896, іюль, 17.
*** Ib., 1894, октябрь, 159.

Насколько разводъ и плацпарадъ заняли прочную позицію въ военномъ дѣлѣ первой четверти XIX вѣка, видно и изъ воспоминаній тогдашнихъ офицеровъ. Мирковичъ, въ своихъ запискахъ, отмѣчаетъ, * что въ 1811 г., Государь особенно много занимался своей гвардіей; „онъ присутствовалъ ежедневно въ дворцовомъ манежѣ на разводѣ, гдѣ самъ училъ вступавшій въ караулъ баталіонъ“. Нѣсколько простодушно передаетъ декабристъ Бѣляевъ, бывшій офицеръ гвардейскаго морского экипажа, свои впечатлѣнія отъ смотра французскихъ солдатъ, на которомъ ему пришлось присутствовать въ 1824 г. во время заграничнаго плаванія. Построенія—пишетъ Бѣляевъ **—„дѣлались быстро и правильно, по намъ, привыкшимъ къ шагистикѣ, привыкшимъ, чтобы ряды двигались какъ стѣна, чтобы даже не замѣтно было, что ее составляютъ живыя существа, страннымъ показалась эта свобода, эти движенія французскихъ солдатъ, размахиваніе руками и пр.“. По образному выраженію Н. М. Колмакова, прежній фронтъ отличался отъ нынѣшняго не только неподвижностію всего тѣла, но даже отсутствіемъ дыханія, слова команды „смирно“ означали въ нѣкоторомъ смыслѣ—„не дыши!“ ***.

Слѣды требовательности къ уставнымъ тонкостямъ сохранились и въ полковыхъ приказахъ л.-гв. Егерскаго полка. Приказъ отъ 22 января 1824 г., за подписью полковника Арбузова, гласилъ: „поручика Энгельгарда 3, подпоучиковъ Норова, Апрѣлева и прапорщиковъ Демидова и Ладыженскаго за незнаніе своего долга во фронтѣ сего числа на осьмирядномъ ученіи предписывается наряжать дежурными при баталіонѣ впредь до узнанія

* Рус. Арх. 1890, 403.

** Рус. Стар., 1881 г., янв., 5.

*** Ib., 1891, май, 454.

ими настоящихъ правилъ фронтовой службы; подпоручику же Энгельгарду 3 тѣмъ болѣе непростительно, что, будучи въ нынѣшнемъ чинѣ, не знаетъ своего долга, за что сверхъ онаго дѣлается и строгій выговоръ. Г. полковнику Пущину, поставляя сіе на видъ, предлагаю заниматься ежедневно послѣ всѣхъ одиночныхъ и ротныхъ ученій обученіемъ г.г. офицеровъ, кромѣ ротныхъ командировъ, всѣхъ построеній“.

Требовательность Великаго Князя не ограничивалась однимъ лишь фронтомъ; всякое нарушеніе формы одежды тотчасъ же вызвало строгое воздѣйствіе, и лейбъ-егеря не миновали взысканій за такія отступленія.

Приказъ отъ 1 августа 1820 г. гласилъ: „выѣзжая вчера изъ города, встрѣтилъ я вопреки приказа, въ тотъ день отданнаго по корпусу за № 35, находящагося въ отпуску л.-гв. Егерскаго полка штабсъ-капитана Голенищева-Кутузова въ рейтузахъ, съ растегнутымъ мундиромъ и въ фуражкѣ, причемъ г. штабсъ-капитанъ имѣлъ неблагопристойность не только не остановиться, но даже и фуражки не снять. Г. штабсъ-капитанъ арестованъ на гауптвахтѣ впредь до разрѣшенія о немъ вышняго начальства. Первый, кто бы то ни былъ изъ гг. офицеровъ, съ кѣмъ подобное случится, будетъ мною представленъ къ выключенію изъ корпуса офицеровъ; лучшее достоинство есть всегда исполнять свои обязанности по службѣ съ равнымъ усердіемъ и исправностію“. Конечно, строгость бригаднаго командира была здѣсь вызвана не только однимъ отступленіемъ отъ формы одежды, но дисциплинарнымъ проступкомъ офицера. Въ приказѣ 25 февраля 1820 г., читаемъ: „замѣчено мною, что гг. офицеры носятъ шляпы и султаны не только не формен-

ные, но совершенно безобразные, почему и рекомендую впредь высокихъ узкихъ шляпъ не носить, султаны имѣть малые и неразвалистые и шляпы—ниже и широкополыя, равно въ покроѣ мундировъ отнюдь не отступать отъ образцовыхъ, имѣющихся въ полкахъ". Приказомъ 28 января 1824 г. Николай Павловичъ объявилъ выговоръ командующимъ полками и баталіоннымъ командиромъ, а ротныхъ командировъ арестовалъ на гауптвахтѣ на 24 часа за то, что ранцы у ординарцевъ, наряженныхъ къ Великому Князю, были набиты соломою. Любопытно, что въ то время многимъ начальствующимъ лицамъ приходилось вести борьбу съ этимъ обыкновеніемъ набивать ранцы соломою. Такъ, Цесаревичъ Константинъ, въ приказѣ по польскимъ войскамъ 11 іюля 1818 г., объявлялъ, что онъ строго запрещаетъ набивать ранцы соломою или сѣномъ, „подкладывая лубки для обманчиваго вида" *.

Строгость дисциплинарныхъ взысканій за единичные случаи отступленія лейбъ-егерей отъ установленной формы одежды, ясно вытекаетъ изъ того, что Николай Павловичъ признавалъ, что неисполненіе правилъ обмундированія зависитъ не отъ того, удобна ли форма одежды или нѣтъ, а отъ ея обязательности; „все равно,—выражался Николай Павловичъ—если бы я велѣлъ войску одѣться даже въ спокойные халаты, то и тогда это обезпокоило бы многихъ, потому только, что это—форма" **.

Слѣды отступленія лейбъ-егерей отъ формы одежды встрѣчаются и въ полковыхъ приказахъ. 5 февраля 1821 г. командиръ полка замѣтилъ, что юнкеръ Энгель-

---

* Рус. Стар. 1907, янв., 225. Къ біографіи Цесаревича Константина, сообщ. М. К. Соколовскимъ.

** Ib., 1879, окт., 218.

гардъ на парадѣ былъ неопрятно одѣтъ, имѣя воротникъ мундира растегнутымъ; за эту неисправность было приказано юнкеру Энгельгарду служить за рядового и „старшинство его считать по спискамъ юнкеровъ 22"; прощеніе штрафа состоялось только 2 марта. Въ приказѣ отъ 21 ноября 1823 г., командиръ полка приказывалъ, по распоряженію бригаднаго командира „строжайше" отобрать отъ нижнихъ чиновъ партикулярное платье, которое затѣмъ надлежало продать; съ обращеніемъ денегъ въ образныя кружки.

Отмѣченное выше нѣкоторое увлеченіе Николая Павловича внѣшностью не помѣшало Августѣйшему бригадному командиру предъявлять самыя справедливыя требованія къ лейбъ-егерямъ, клонившіяся къ укорененію въ нихъ истинныхъ правилъ военнаго воспитанія.

Николай Павловичъ былъ врагомъ всякихъ обмановъ; между тѣмъ, обманы кой-когда случались. По словамъ М. И. Венюкова, на смотрахъ артиллерійской стрѣльбы число пробоинъ въ мишеняхъ, вопреки здравому смыслу, превышало порою число выстрѣловъ *, По свидѣтельству одного досужаго мемуариста, склоннаго, быть можетъ, къ преувеличенію, въ жизни л.-гв. Егерскаго полка бывали случаи, когда, для достиженія большаго числа рядовъ, въ ряды старослужащихъ, на смотрахъ, вводили рекрутъ, такъ что при объѣздѣ начальствующими лицами линій войскъ число рядовъ было велико; при перестроеніяхъ же къ церемоніальному маршу рекруты, чтобы „не портить ноги", бывали незамѣтнымъ образомъ удаляемы; иногда же наканунѣ смотра въ штуцерную команду л.-гв. Волын-

* Рус. Стар., 1886, іюль, 102.

скаго полка посылались фельдфебеля изъ л.-гв. Егерскаго полка съ предложеніемъ, не желаетъ ли кто нибудь изъ волынцевъ заработать рубль; въ случаѣ согласія волынцы долженствовали изображать на парадѣ лейбъ егерей *. Если подобные случаи бывали дѣйствительно, то на нашъ современный взглядъ они не могутъ не быть признанными отрицательными. Но прежняя этика была своеобразна, складъ понятій бывалъ, выражаясь мягко, оригиналенъ, и съ тѣмъ, что было отрицательнаго, приходилось бороться начальствующимъ лицамъ.

Всякое происшествіе съ подчиненными должно быть извѣстно начальству. Это, — аксіома военной службы, и ее желалъ провести въ жизнь лейбъ-егерей Николай Павловичъ. Въ приказѣ за № 9 отъ 1819 г. было изложено: „бывъ вчерашняго числа въ казармахъ Гарновскаго дома, проѣзжая мимо караула, оный опоздалъ совершенно и не вышелъ, покуда я самъ не показалъ часовому, за что и сдѣлалъ замѣчаніе стоявшему въ караулѣ л.-гв. Егерскаго полка г. поручику Савелову. Но оный, вопреки заведенному порядку не только объ ономъ не далъ знать на главную гауптвахту своего отдѣленія, но даже не рапортовалъ объ этомъ и дежурному по карауламъ полковнику Арбузову, при осмотрѣ сего караула. Дѣлая за то ему выговоръ, предписываю полковому командиру сего полка г. генералъ-маіору Бистрому 1-му арестовать его на 24 часа въ полку и подтверждаю къ строжайшему впредь исполненію, чтобы о всякомъ приключеніи, какія бъ не были, давали знать караульные офицеры на главную гауптвахту своихъ отдѣленій, а оные чрезъ вѣстовыхъ пись-

* Рус. Стар. 1890, янв., 84.

менно, въ полкъ и ко мнѣ, за что отвѣчать впредь будутъ гг. дежурные по казармамъ“.

Николай Павловичъ придавалъ большое значеніе караульной службѣ, будучи проникнутъ сознаніемъ важности и отвѣтственности караульной службы.

Рядъ приказовъ по бригадѣ доказываетъ, съ какою внимательностью относился Николай Павловичъ къ этому роду дѣятельности войскъ и насколько вообще была не легка эта служба для лейбъ-егерей.

Приказомъ за № 10 отъ 1818 г. Николай Павловичъ объявилъ о частичной неисправности, обнаруженной имъ въ караулѣ на главной гауптвахтѣ отъ лейбъ-егерей: „при выходѣ офицера изъ фронта стоящій унтеръ-офицеръ на правомъ флангѣ не заступилъ его мѣсто; унтеръ-офицеры, стоящіе подъ знаменами, при выходѣ первой смѣны на часы, не знали своихъ мѣстъ, а послѣднее, и самъ г. штабсъ-капитанъ Гедерштернъ также не зналъ, въ какое время должно ему выходить и командовать, что ему слѣдовало“; приказъ саркастически оканчивался фразою: „изъ сего видно, что онъ, г. Гедерштернъ, не позаботился прежде сего разсчетомъ своего караула, а тѣмъ болѣе еще съ своею ротою, за что дѣлается ему на замѣчаніе по всей бригадѣ, и всѣхъ гг. офицеровъ прошу держаться построже давно извѣстныхъ правилъ гарнизонной службы“. 2 апрѣля 1819 г. Николай Павловичъ замѣтилъ неисправность караула л.-гв. Егерскаго полка, стоявшаго въ караулѣ въ Зимнемъ дворцѣ; приказомъ за № 11 Николай Павловичъ признавалъ, что „непростительныя ошибки“ произошли не „отъ незнанія г. караульнаго капитана, но совершенно отъ нерадѣнія его“, за что и былъ арестованъ на 24 часа стоявшій въ томъ караулѣ штабъ-капитанъ Виллямов-

скій; при этомъ Великій Князь выражалъ увѣренность, что никто изъ офицеровъ не подастъ ему случая „къ столь непріятнымъ взысканіямъ, необходимымъ по мѣсту имъ занимаемому“. Дополненіемъ къ приказу № 20 отъ 1819 г. читаемъ: „къ сожалѣнію и стыду моему долженъ я объявить бригадѣ, что, когда Его Величество изволилъ выѣхать изъ дворца въ исходѣ 9 часа вечера, проѣзжая уголъ Зимняго дворца, на Дворцовой площади Государь не нашелъ часоваго, стоящаго на семъ мѣстѣ; по личномъ обыскѣ Государя Императора найденъ Имъ часовой за будкой, безъ ружья и безъ штановъ, съ растегнутымъ мундиромъ. Съ тѣхъ поръ, что существуетъ Гвардія, такого сраму не случалось и, надѣюсь, не случится“. Я, по себѣ судя, слишкомъ чувствую, сколь грустно должно быть г.г. баталіонному командиру Литвинову и ротному командиру штабсъ-капитану Маркову, что подобное тому могло случиться въ ихъ баталіонѣ и ротѣ, а потому болѣе ничего не прибавлю. Государь Императоръ повелѣть соизволилъ при собраніи всей бригады лишить сего рядового чина гвардейскаго солдата и, наказавъ строжайшимъ образомъ, выписать въ армію въ примѣръ другимъ. Неотступно прошу и извѣщаю г.г. полковыхъ, баталіонныхъ и ротныхъ командировъ—обратить все свое стараніе внушить въ своихъ подчиненныхъ то чувство, которое каждый изъ нихъ въ себѣ имѣетъ, и заставить ихъ чувствовать всю важность должности часоваго вездѣ, а въ особенности при особѣ Государя Императора. Дабы солдаты признали, чему въ случаѣ неисправности ихъ на часахъ подвергаются они по законамъ, то предписываю къ непремѣнному исполненію—въ каждой ротѣ имѣть прибитую таблицу съ означеніемъ должности часоваго по закону и артикуловъ военнаго процесса противъ виновныхъ часовыхъ, которую всѣмъ, передъ вступленіемъ въ караулъ,

наканунѣ, на перекличкахъ читать. Въ непремѣнную обязанность вмѣняю г.г. ротнымъ командирамъ осматривать или днемъ, или ночью караулы отъ своей роты и рапортовать обо всемъ найденномъ ими баталіоннымъ командирамъ". Слѣдующій приказъ за № 24 отъ того же года снова касался караульной службы лейбъ-егерей. „Сего числа,—читаемъ въ приказѣ,—передъ разводомъ, вручена мнѣ записка г. военнымъ генералъ-губернаторомъ съ означеніемъ въ оной, что вчерашняго числа, по полуночи, найденъ стоявшій на часахъ у подъѣзда противъ экзерциргауза л.-гв. Егерскаго полка, 1 баталіона 3 егерской роты рядовой Сила Быковъ сидящимъ за будкой и задремавшимъ. Вторичная столь непростительная оплошность часовыхъ, и въ столь короткое время, ясно доказываетъ, что ни г.г. баталіонный, ни ротный командиры не обратили должнаго вниманія на сей предметъ. Оно тѣмъ менѣе простительно, что о томъ моимъ приказомъ подъ № 20 строго предписано. За что дѣлая строжайшій выговоръ полковнику Литвинову и штабсъ-капитану Норову, уговаривая перваго больше обращать вниманія на всѣ части своей обязанности, въ противность чего подвергнется къ строгому взысканію начальства, отъ котораго мнѣ его избавить нельзя будетъ; г. штабсъ-капитана Норова же—болѣе заняться истолкованіемъ людямъ своимъ ихъ должности, безъ чего педвергнется подавно строгому взысканію. Прошу г. полковаго командира генералъ-маіора Бистрома I—принять строжайшіе мѣры къ прекращенію сихъ безпорядковъ и въ особенности заняться 1-мъ баталіономъ, который доказываетъ часто, что въ немъ есть большое послабленіе въ нижнихъ чинахъ. Рядоваго наказать предъ всѣмъ полкомъ тотчасъ послѣ парада и строжайшимъ образомъ. Больно мнѣ быть принужденнымъ къ подобнымъ строгостямъ, но долгъ обязан-

ности моей требуетъ не терпѣть ни въ комъ ни малѣйшихъ послабленій по службѣ; сколь и не пріятно имѣть случай благодарить г.г. штабъ и оберъ-офицеровъ за ихъ усердіе, столь и прискорбно, когда подобными безпорядками принуждаютъ меня къ противному. Надѣюсь, что въ отсутствіе мое ничего подобнаго не случится и что г.г. офицеры примѣрною своею исправностью во всемъ касающемся до службы поддержатъ то доброе мнѣніе о нихъ, съ которымъ нынѣ отъѣзжаю. Г. генералъ-маіора Бистрома I-го прошу затѣмъ строго смотрѣть и не терпѣть ни въ которомъ полку ни малѣйшихъ неисправностей". Приказъ за № 12 отъ 1820 г. гласитъ: „не получено мною вчера ввечеру рапортовъ отъ караула инспекторскаго департамента и Петропавловской крѣпости; сего же дня поутру отъ караула инспекторскаго департамента, за что дѣлаю строжайшій выговоръ штабсъ-капитанамъ л.-гв. Егерскаго полка фонъ Ломану и Кутузову. Вообще я не могу похвалиться исправностью въ караулахъ сихъ двухъ г.г. офицеровъ и прошу ихъ настоятельнѣйше не принудить меня въ другой разъ къ какому либо замѣчанію, въ противность чего какъ эти, такъ и прочіе г.г. офицеры, коимъ бы сіе случиться могло, будутъ посажены на гауптвахту, надѣясь весьма, что г.г. офицеры исправностію своею не подадутъ мнѣ къ тому случая". При посѣщеніи Николаемъ Павловичемъ 4 февраля 1822 г. госпиталя л.-гв. Егерскаго полка онъ „не нашелъ при ономъ дежурнаго офицера" прапорщика Тизенгаузена 2, за что послѣдній былъ арестованъ „впредь до приказанія".

Въ приказахъ по полку за это время мы встрѣчаемся съ описаніемъ тѣхъ взысканій, которыя накладывались на нижнихъ чиновъ,—за нарушенія караульной службы лейбъ-егерями. Приказомъ отъ 3-го января 1826 г. былъ наказанъ 50 ударами палокъ старшій

унтеръ-офицеръ въ караулѣ на сѣнной площади; вина караула состояла въ томъ, что онъ не замѣтилъ подъѣхавшаго къ нему и остановившагося полковаго командира“. Изъ слѣдующаго приказа видно, что 22 января 1825 г. опоздалъ выйдти Государю караулъ у Аничковскаго Дворца подъ командою поручика Ланскаго; по приказанію Великаго Князя Михаила Павловича, Ланской былъ арестованъ на недѣлю, махальный и фронтовой часовые были наказаны 150 лозанами, а старшій унтеръ-офицеръ—100 лозанами.

Общій характеръ караульной службы, которую несли лейбъ-егеря во время командованія бригадою Николаемъ Павловичемъ, сохранился и въ позднѣйшее время. Поэтому не будетъ нарушеніемъ цѣлости картины приведеніе для иллюстраціи предыдущаго изложенія нѣсколькихъ чертъ караульной службы гвардіи въ серединѣ XIX вѣка. Гарнизонная служба не пользовалась фаворомъ гвардейскихъ офицеровъ. Въ шутку офицеры раздѣляли караулы на „спячки“ и „горячки“. Къ спячкамъ принадлежали отдаленные караулы, за десять верстъ; пройдя столь почтенное разстояніе, люди погружались въ сонъ. Туда по отдаленности, конечно, не заглядывали начальники. На горячкахъ же, наоборотъ, были весьма часты посѣщенія начальствующихъ лицъ. Часто при этомъ выходили различныя qui pro quo, чему способствовали бѣлые султаны гвардейскихъ кавалерійскихъ офицеровъ, такъ что при щегольской сбруѣ рысаковъ и блестящемъ экипажѣ случалось принять и корнета за турецкаго посланника *. Понятіе о томъ, какъ иногда неслась караульная служба офицерами, даетъ эпизодъ, которому, пожалуй, подъ стать афоризмъ: si non e vero e ben trovato. Это—примѣръ „халатнаго“ въ букваль-

* Рус. Стар., 1900 г., ноябрь, 309.

номъ смыслѣ слова отношенія офицеровъ къ дежурствамъ. Въ 1839 году Императоръ Николай I явился на Адмиралтейскую гауптвахту, ведя за собою человѣка въ шинели и фуражкѣ; подъ шинелью у него былъ одѣтъ халатъ. Оказалось, что это былъ дежурный по адмиралтейству капитанъ-лейтенантъ Васильевъ, которому вздумалось въ такомъ видѣ прогуляться по Адмиралтейскому бульвару, гдѣ его и встрѣтилъ Государь. Черезъ часъ на гауптвахту явился флигель-адъютантъ, чтобы отвести Васильева, въ томъ видѣ, какъ его встрѣтилъ Государь, къ начальнику Главнаго Морского Штаба—князю Меньшикову *. Особенное вниманіе гарнизонной службѣ удѣлялъ и Великій Князь Михаилъ Павловичъ, послѣдовательно занимавшій въ своей строевой пѣхотной службѣ сперва должность бригаднаго командира, затѣмъ начальника 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи и наконецъ командира гвардейскаго корпуса. По словамъ офицера л.-гв. Преображенскаго полка Е. П. Самсонова, „Его Высочество, dans des moments perdus, доставлялъ себѣ удовольствіе, entre chien et loup, въ санкахъ на рысакѣ, закутанный въ шинель, объѣзжать караулы въ видѣ охоты, авось, не узнаютъ, прозѣваютъ, не успѣютъ сдѣлать на караулъ. На другой день, гауптвахты населяются гостями. Великій князь говаривалъ: тотъ не офицеръ, который по крайней мѣрѣ пять разъ на гауптвахтѣ не сиживалъ“ **. Естественно, провѣрка карауловъ оканчивалась нерѣдко арестами офицеровъ. Это подмѣтила солдатская наблюдательность, и солдатское острословіе не безъ основанія называла штабъ-офицера, повѣрявшаго варшавскіе караулы, шпіономъ Ловушкинымъ ***.

---

* Рус. Стар., 1899, іюль, 7.

** Рус. Арх., 1884, III, 134.

*** Ib., 1889, мартъ, 437.

Николай Павловичъ смотрѣлъ на офицеровъ какъ на работниковъ, ихъ барство, бѣлоручество, привычки, столь понятныя при крѣпостномъ бытѣ ему претили. Рельефно высказался этотъ взглядъ въ приказѣ отъ 18 іюня 1824 г., гдѣ Николай Павловичъ ярко выразилъ свою антипатію къ барству, къ изнѣженности офицеровъ. Привожу его здѣсь, не взирая на то, что онъ касается офицера л.-гв. Измайловскаго полка. „Я встрѣтилъ вчера—писалъ Николай Павловичъ—человѣка подпоручика л.-гв. Измайловскаго полка Козлова 2, который несъ на полевой пикетъ къ своему господину головную подушку; я предаю на благоразсудокъ гг. офицеровъ, прилично ли, стоя на всякомъ караулѣ и тѣмъ болѣе въ лагерѣ, и еще на полевомъ пикетѣ, искать своего покоя; подобная нѣжность достойна смѣха; пусть же г. подпоручикъ Козловъ 2 повеселитъ тѣмъ своихъ товарищей, въ которыхъ въ томъ, надѣюсь, подражателей не найдетъ“.

Неотступно требовалъ Николай Павловичъ нахожденіе офицеровъ-начальниковъ при своихъ частяхъ. Приказомъ за № 14 отъ 1818 г.: былъ арестованъ на 24 часа подпоручикъ л.-гв. Егерскаго полка Зарубаевъ за то, что, не смотря на неоднократное подтвержденіе бригаднаго командира, унтеръ-офицеры л.-гв. Егерскаго полка шли при возвращеніи съ развода безъ офицера. Приказомъ за № 19 отъ того же года Великій Князь снова объявлялъ свое распоряженіе о томъ, чтобы офицеры шли на ученья въ манежи и обратно „при своихъ мѣстахъ“. За ненахожденіе при командѣ офицера, Николай Павловичъ арестовалъ даже баталіоннаго командира. Вотъ что читаемъ въ приказѣ отъ 6 мая 1823 г. за № 12. „Г. Командующій корпусомъ генералъ-отъ-кавалеріи Уваровъ, возвращаясь вчерашняго числа изъ Стрѣльны, объѣхалъ команду л.-гв. Егерскаго полка, идущую въ С.-Петербургѣ изъ квар-

тиръ 2-го баталіона; при сей командѣ не было офицера и люди шли въ величайшемъ безпорядкѣ и растянувшись по всей дорогѣ. Въ прошломъ же 1822 г. 26 ноября были по начальству строго предписаны правила, что и словесно мною и г.г. полковыми командирами подтверждаемо было. Столь подобную оплошность или невниманіе предписываю одному г. баталіонному командиру 2 баталіона л.-гв. Егерскаго полка полковнику Уварову, а какъ симъ подвергъ г. баталіонный командиръ меня и своего полковаго командира справедливому взысканію начальства, какъ неисполняющихъ въ точности отдаваемыя приказанія, то и вынужденнымъ нахожусь, сдѣлавъ строгій выговоръ г. полковнику Уварову, арестовать его домашнимъ арестомъ на 24 часа".

Въ отношеніи нижнихъ чиновъ л.-гв. Егерскаго полка Николай Павловичъ былъ весьма попечительнымъ начальникомъ.

Приказъ за № 20 отъ 1818 г. предписывалъ баталіоннымъ и ротнымъ командирамъ производить въ виду наступившаго зимняго времени осмотръ нижнихъ чиновъ, выходящихъ изъ казармъ со двора или по службѣ, и требовать, „чтобы они на ногахъ имѣли хорошую обувь и сухую, также и во всемъ одѣвались какъ можно теплѣе." Часто вносилъ Николай Павловичъ свои деньги въ артельныя суммы. Въ случаѣ особенно удачнаго смотра или развода, онъ приказывалъ освобождать отличившихся отъ строевыхъ занятій на болѣе или менѣе продолжительное время. Такъ, 9 декабря 1823 г. была объявлена по полку благодарность Николая Павловича за разводъ; по смѣнѣ съ караула отличившаяся часть была освобождена отъ ученій на цѣлую недѣлю.

Проявляя особую заботливость о нижнихъ чинахъ

Великій Князь все же не избѣжалъ того, чтобы его нижніе чины не боялись. Въ приказѣ по Л.-Гв. Егерскому полку отъ 26 января 1824 г. было объявлено, что при посѣщеніи Николаемъ Павловичемъ роты Его Высочества два рядовыхъ, увидѣвши его, спрятались за нары.

Не любилъ Николай Павловичъ отступленій отъ законоположеній.

При производствѣ инспекторскаго смотра л.-гв. Егерскаго полка въ 1818 г. Николай Павловичъ обнаружилъ, что у нѣкоторыхъ нижнихъ чиновъ 3 карабинерной роты частью вовсе не было арматурныхъ книжекъ, частью же эти книжки совершенно не включали свѣдѣній объ ихъ службѣ и казенныхъ вещахъ; приказомъ за № 9 былъ сдѣланъ за это упущеніе выговоръ.

Переходя къ изложенія жизни лейбъ егерей въ бытность Николая Павловича ихъ начальникомъ дивизіи, мы встрѣчаемся съ тѣми же чертами, которыя были изложены выше.

Точно также лейбъ егеря имѣли въ лицѣ Николая Павловича, какъ начальника дивизіи, весьма требовательнаго командира. Приказомъ по полку отъ 17 іюня 1825 г. подпоручикъ Демидовъ былъ арестованъ на трое сутокъ за то, что на „примѣрѣ" Высочайшаго смотра, при прохожденіи колоннами, онъ не соблюдалъ вѣрной дистанціи между взводами; приказъ по полку же отъ 14 сентября 1825 г. предписывалъ поручику Удому и подпоручику Крамину 2, замѣченнымъ въ дурномъ маршированіи на разводѣ, „стараться имѣть во фронтѣ видъ всегда приличный офицеру"; 6 ноября 1825 г., на разводѣ, Николай Павловичъ усмотрѣлъ, что поручикъ Удомъ „дурно является", и приказалъ „за нестараніе его ко фронту" арестовать его на трое су-

токъ; 12 ноября того же года Николай Павловичъ замѣтилъ ту же неисправность въ пропорщикѣ Лебядниковѣ который тоже былъ арестованъ на трое сутокъ; при этомъ полковой командиръ въ приказѣ объявлялъ, что „вообще пропорщикъ Лебядникъ и до сего еще времени во фронтѣ весьма неловокъ“ и предписывалъ „командующему баталіономъ особенно заняться обученіемъ сего офицера“, обѣщая собственное свое за этимъ наблюденіе.

Съ прежнею настойчивостью преслѣдовалось нарушеніе формы одежды и отсутствіе необходимой щеголеватости. Приказомъ по полку отъ 22 ноября 1825 г. предписывалось унтеръ офицеру 2-ой карабинерной роты Мирному, который „весьма дурно стоялъ и даже въ одеждѣ не имѣлъ щеголеватости“, служить за рядоваго; распоряженіе исходило отъ Николая Павловича. Приказъ же по дивизіи отъ 16 ноября 1825 г. запрещалъ выходить на одиночныя ученья въ ротахъ безъ шпагъ и эполетъ.

Гарнизонная служба по несенію карауловъ также была тяжелая. При провѣркѣ Николаемъ Павловичемъ караула при губернскихъ присутственныхъ мѣстахъ, оказалось, что прапорщикъ Золотухинъ „ничего не зналъ касательно своего караула и притомъ командовалъ вяло и тихо“; за это онъ былъ нарядженъ не въ очередь дежурнымъ на десять нарядовъ; объявляя объ этомъ въ приказѣ отъ 28 сентября 1825 г., командиръ полка писалъ „истинно непростительно офицеру попасть подъ наказаніе за то, что собственно отъ усердія и доброй воли каждаго зависитъ.“ Приказъ по дивизіи отъ 20 ноября 1825 г. несъ, къ сожалѣнію, немилость офицеру л.-гв. Егерскаго полка за неисправное несеніе караульной службѣ. „Содержащійся подъ арестомъ въ Новомъ Адмиралтействѣ,—читаемъ въ приказѣ,—преданный суду и выписанный изъ гвардіи за дурное по-

веденіе и буйство, Александрійскаго гусарскаго полка корнетъ графъ Ст. При, 6 числа сего мѣсяца былъ вопреки всѣхъ подтвержденій изъ подъ караула отпущенъ стоявшимъ въ караулѣ л.-гв. Егерскаго полка поручикомъ Пельскимъ. За такой поступокъ, вовсе противный инструкціи караульнаго офицера и вообще военному порядку, подвергалъ себя поручикъ Пельскій по справедливости военному суду. Но изъ снисхожденія къ нему, какъ къ хорошему офицеру, и единственно по отеческому снисхожденію г. командующаго корпусомъ къ своимъ подчиненнымъ, арестованъ онъ лишь на мѣсяцъ съ содержаніемъ на гауптвахтѣ. Зная, что многіе г.г офицеры, увлекаясь просьбами самихъ арестантовъ или другихъ постороннихъ лицъ, для прогулки или исправленія какихъ надобностей, позволяютъ арестантамъ офицерскаго званія съ караула отлучаться, дѣлаю я сей случай извѣстнымъ по ввѣренной мнѣ дивизіи и подтверждаю, дабы г.г. офицеры удерживались отъ подобныхъ неумѣстныхъ и вовсе противныхъ присягѣ и обязанности караульнаго офицера снисхожденій и не вводили бы себя въ бѣду и начальство свое въ непріятную отвѣтственность, присовокупляя при семъ, что впредь въ такомъ случаѣ поступлено будетъ съ виновнымъ со всего строгостью“.

Проявлялъ Николай Павловичъ большую заботливость къ попеченію о нижнихъ чинахъ. Въ приказѣ по полку отъ 12 апрѣля 1825 г. былъ объявленъ даже выговоръ баталіонному командиру за чрезмѣрную изнурительность строевыхъ занятій. „Его Императорское Высочество, дивизіонный начальникъ,—гласилъ приказъ—изъ представленной записки о ученьяхъ, бывшихъ въ продолженіе прошедшей недѣли въ первомъ баталіонѣ, изволилъ замѣтить, что баталіонный командиръ полковникъ баронъ Саргеръ продолжалъ оныя отъ 8 до 12 часовъ утра, за что соизволилъ повелѣть сдѣлать

ему по полку выговоръ; при семъ Его Высочество весьма сожалѣетъ, что полковникъ баронъ Саргеръ, бывъ старый и хорошій офицеръ дозволилъ себѣ производить столь изнурительныя для людей ученья, отъ которыхъ, конечно, нельзя ожидать надлежащей пользы".

Въ заботахъ о сохраненіи здоровья нижнихъ чиновъ былъ отданъ Николаемъ Павловичемъ 16 ноября 1825 г. приказъ, въ которомъ было изложено, между прочимъ: „видѣлъ я, что за два часа до назначеннаго примѣра развода въ манежахъ, подъ предлогомъ повѣрки пріемовъ или шага выводятъ роты въ корридоры и дѣлаютъ имъ ученья, гдѣ напотѣвшись отъ комнатнаго тепла и множества людей, выходятъ потомъ потливыми на дворъ, мочатъ ноги и приходятъ застуженными въ манежъ, гдѣ опять напотѣвшись, возвращаются домой вторично, съ мокрыми ногами. Запрещая навсегда подобныя вредныя здоровья прибавки или самоуправства, возлагаю на отвѣтственность бригадныхъ командировъ, чтобъ въ тѣ дни, когда баталіоны должны идти на примѣръ разводовъ или на ученья въ манежѣ, отнюдь не выводить въ корридоры и не сводить ротъ ранѣе, какъ за полъ часа до назначеннаго времени къ выступленію. Если же нужно за лѣность и въ наказаніе учить роту или какую другую часть людей, то исполнять сіе всегда по возвращеніи изъ манежа съ ученья. А тѣмъ подавно запрещается наистрожайше, чтобы роты сводились безъ капитановъ одними фельдфебелями."

Однако эта попечительность о сохраненіи здоровья солдатъ и это запрещеніе устройства слишкомъ продолжительныхъ и изнурительныхъ занятій не мѣшало прибѣгать къ строгимъ взысканіямъ, гдѣ дѣло касалось нарушенія дисциплины или долга службы. Между прочимъ, въ приказѣ по полку отъ 13 августа 1825 г. было объявлено предостереженіе Николая Павловича о совершенномъ запрещеніи вольныхъ работъ, если

случится еще хотя бы одинъ побѣгъ; это предупрежденіе было вызвано увеличившимся въ то время количествомъ побѣговъ.

Наконецъ, Николай Павловичъ обращалъ свое вниманіе на хозяйственную часть полка. Уже во второмъ своемъ приказѣ по дивизіи, отъ 8 марта 1825 г., Николай Павловичъ, послѣ осмотра обоза, мастерскихъ и вообще всѣхъ хозяйственныхъ заведеній л.-гв. Егерскаго полка, объявилъ свою благодарность за отличное ихъ состояніе генералъ-маіору Головину и рекомендовалъ прочимъ полковымъ командирамъ „завести подобный же порядокъ“. Въ послѣдніе же дни своего начальствованія дивизіею нѣкоторая неисправность хозяйственной части навлекла неудовольствіе Великаго Князя. Въ приказѣ по полку отъ 16 ноября 1825 г. было объявлено, что Его Высочество сдѣлалъ командиру полка выговоръ за то, что во время обхода казармъ 10 ноября были имъ найдены „весьма большіе неисправности и нечистота, особенно на кухняхъ и въ покояхъ, занимаемыхъ женатыми нижними чинами“, и при этомъ возложилъ всѣ расходы по ремонту на командира полка; послѣдній присовокупляетъ, что этотъ выговоръ очень „чувствителенъ для того, который со всѣмъ усердіемъ стремится къ исполненію своихъ обязанностей“.

Предыдущее изложеніе даетъ цѣлый рядъ бытовыхъ чертъ того времени, когда лейбъ-егеря состояли подъ командою Николая Павловича, сперва какъ бригаднаго командира, а затѣмъ какъ начальника дивизіи. Всѣ эти суровыя взысканія, всѣ эти отрицательныя отступленія отъ порядка и исправности приведены для того, чтобы яснѣе оттѣнить характерные черты прежней службы. Приказы далеко не сплошь были наполнены выговорами

и арестами. Въ нихъ часто упоминалось о благодарности Великаго Князя лейбъ-егерямъ и ихъ командирамъ. Но составленные въ общихъ, хотя бы и лестныхъ выраженіяхъ, эти приказы съ благодарностями не иллюстрируютъ, не живописуютъ старину. Эта старина яснѣе проявляется, ярче выступаетъ наружу тамъ, гдѣ дѣлаются указанія Николая Павловича на несоблюденіе извѣстнаго распоряженія или законоположенія, тамъ, гдѣ лейбъ-егеря, къ сожалѣнію, вызывали необходимость той или другой мѣры взысканія, что, конечно, ничуть, ни на одну оту не можетъ дать права сказать, что служба лейбъ-егерей была не на должной высотѣ въ 1818—1825 г.г.

Какимъ же начальникомъ лейбъ-егерей вырисовывается самъ Николай Павловичъ?

Это былъ начальникъ строгій, требовательный. Онъ не оставлялъ безъ взысканія ни одного проступка, въ то же время выражая заботу о подчиненныхъ. Онъ строго и ревниво охранялъ порядокъ несенія караульной службы. Онъ строго и ревниво боролся съ отступленіями отъ формы одежды. Онъ строго и ревниво относился къ полному исполненію уставныхъ тонкостей развода и правилъ маршировки требуя дѣйствительнаго проведенія въ жизнь Высочайшаго повелѣнія, чтобы пѣхотные офицеры „непремѣнно маршировали солдатскимъ шагомъ, т. е. какъ хорошо выученный солдатъ маршируетъ“.